

Воспоминания об интернате

А. А. Болибрух

Два года, проведённые в Физико-математической школе-интернате № 45 в Ленинграде, были одними из самых интересных в моей жизни и во многом определили не только мою профессиональную судьбу как математика, но и сформировали мой характер, отношение к жизни — всё то, что обычно называют жизненными и нравственными ценностями. В школьной интернатской программе были алгебра, математический анализ, история, литература..., и нас очень хорошо учили всем этим наукам наши любимые учителя: Юрий Иосифович Ионин, Ефим Эммануилович Наймарк, Ирина Георгиевна Полубояринова и многие другие, которых я люблю и помню. Но кроме обязательной школьной жизни была ещё и внешкольная, которая значила для нас ничуть не меньше. О некоторых эпизодах этой жизни мне и хотелось бы здесь рассказать.

Интернат в те годы находился в Ленинграде на улице Савушкина, за Чёрной речкой. До центра города можно было добраться за 30–45 минут, а это значит, что ленинградские музеи, театры, здание университета с его библиотекой были в пределах досягаемости. Зимой 1966 года каждую неделю нас водили на экскурсии в Эрмитаж. Вместе с прекрасным экскурсоводом (к сожалению, не помню её имени) мы прошли почти всю выставленную тогда экспозицию современного искусства от картины к картине: от импрессионистов до Пикассо. Нам рассказывали об импрессионизме и пуантилизме на примерах картин Клода Моне и Поля Синьяка, о кубизме, о русских модернистах, о том, как научиться понимать современную живопись. И я ценю эти уроки ничуть не меньше

Эта глава впервые опубликована на английском языке в переводе А. Б. Со-синского в книге «Mathematics in St. Petersburg» (AMS, 1996. P. 1–5), затем на русском в журнале «Ленинградский Университет», 1999, и в книге: Болибрух А.А. Воспоминания и размышления о давно прошедшем. М.: МЦНМО, 2013. С. 89–95.

уроков алгебры или анализа, потому что они познакомили меня с новым для меня миром, миром живописи.

Мне вообще кажется, что 14–15-летнему человеку иногда необходимо всего лишь узнать (увидеть, услышать или прочитать) о существовании какого-то нового незнакомого ему мира, будь это мир современной живописи, поэзии или, скажем, китайской литературы. Причём услышать от «источника, заслуживающего доверия», например, от любимого учителя. Так на уроке литературы я узнал от Ирины Георгиевны о существовании Большого драматического театра и о Г. А. Товстоногове. Мне удалось достать билеты на его спектакль по «Идиоту» Ф. М. Достоевского с гениальным Иннокентием Смоктуновским в роли князя Мышкина, и я до сих пор считаю этот спектакль лучшим из всех когда-либо виденных мною. С тех пор я «заболел» театром и уже в Москве, будучи студентом МГУ, пересмотрел все спектакли «Современника», театра на Таганке, театра Образцова. Не пропустил я и ни одной премьеры А. Эфроса в театре на Малой Бронной.

В том, как много значит мнение учителя, как он одной сказанной невзначай фразой может оказать влияние на формирование мировоззрения своих учеников, я неоднократно убеждался впоследствии, когда уже сам (на пятом курсе университета) преподавал математический анализ в 7-й московской школе. Приведу только один связанный с этим пример. Как-то, рассказывая десятиклассникам теорему о мощности множества непрерывных на отрезке функций, я заметил, что один из моих учеников читает постороннюю литературу. Меня возмутил даже не столько сам факт чтения, сколько то, что он читал. А читал он не Хлебникова, Булгакова или, скажем, А. Белого, что я ещё мог бы простить, а одного совершенно никчёмного с моей точки зрения писателя. Я отобрал у него эту книгу и взамен дал единственную, которая тогда нашлась в моём портфеле, — томик стихов одного из самых любимых моих поэтов, Тао Юань-мина. Я бы, наверное, забыл об этом случае, если бы через несколько лет мои бывшие ученики не пригласили меня на традиционную встречу своего класса. Большинство из них к тому времени училось на различных факультетах МГУ, МФТИ и в других известных московских вузах. В конце вечера ко мне подошёл тот самый ученик и спросил, помню ли я историю с томиком стихов Тао Цяня и представляю ли я, какое влияние это оказало на его жизнь? Оказалось, что он настолько увлёкся китайской поэзией, что после поступления на биофак МГУ организовал там нечто вроде общества любителей классической китайской литературы и стал настоящим её знатоком! Этот случай поразил меня, и с тех пор во время лекций или семинарских занятий я всегда стараюсь найти время для того,

чтобы сказать своим студентам хотя бы несколько слов об интересной выставке, книге или увиденной мною театральной постановке.

В нашем интернате были не только математические классы, но и химический с биологическим, в котором учился сын Аркадия Исааковича Райкина. Я не знаю, собирался ли Костя Райкин всерьёз заниматься биологией после окончания школы, но способности к этому у него, безусловно, были. Однако яркая артистическая одарённость оказалась сильнее, и Костя поступил после окончания интерната в театральное училище. Сейчас он известный актёр театра и кино, руководит московским театром «Сатирикон». Но и тогда, в 9–10 классах, он порой поражал нас своей пластикой и умением даже самые серьёзные вещи превращать в игру. Так, на выпускном экзамене по математике ему достался вопрос о десятичной записи вещественного числа. В составе экзаменационной комиссии были члены попечительского совета интерната, известные математики, среди них был знаменитый алгебраист Д. К. Фаддеев. Во время ответа Кости он о чём-то заговорился с остальными, и комиссия потеряла бдительность, чем немедленно воспользовался Костя. Он начал свой ответ примерно так: «Пусть число a лежит на отрезке $[0, 1]$. Разделим его на десять равных частей и рассмотрим ту часть, в которой лежит наше число. Разделим полученный отрезок на десять частей и вновь рассмотрим ту часть, в которой лежит a ...» Обычно в этом месте говорят: «и т. д.», а затем заканчивают доказательство. Однако Костя монотонным голосом с мягкими весёлыми модуляциями продолжал делить всё меньшие и меньшие отрезки к всеобщей тихой радости сидящих в классе выпускников. Наконец, когда Костя добрался до отрезков размером с диаметр атомного ядра, комиссия обратила внимание на подозрительную тишину в классе и воззрилась на доску. Последовала пауза, после которой Д. К. Фаддеев сказал, что получено достаточно количество знаков после запятой и процесс деления можно прекратить. Больше Костю ни о чём не спрашивали, и он успешно сдал экзамен.

У нас в школе часто устраивались литературные вечера, на которые приглашались известные артисты, самодеятельные поэты и певцы. Причём дело не ограничивалось простым выступлением. После концерта обычно возникали стихийные дискуссии, на которых обсуждались самые разные вещи, начиная от современной советской поэзии и кончая положением в Алжире. Безусловно, самым запоминающимся из таких вечеров был вечер Аркадия Райкина. Школьный актовый зал был забит до отказа, а Райкин в течение полутора часов показывал нам свои самые лучшие вещи, включая те, с которыми в то время ему не разрешалось выступать в официальных концертах. Тогда я впервые услышал про «генетику —

продажную девку империализма», про «наш паралич — самый прогрессивный в мире» и про многое другое, ставшее впоследствии классикой советской эстрады.

Нет ничего удивительного в том, что в физико-математической школе в середине 60-х годов многие увлекались поэзией и сами писали стихи. В то время профессия физика была необычайно престижной, конкурсы в ведущие технические вузы и университеты страны были громадные, и большинство одарённых молодых людей, имеющих способности ко многим (в том числе и гуманитарным) наукам, выбирали математику или физику. Но и гуманитарные способности требовали выхода, поэтому, наверное, каждый второй в нашей школе писал стихи.

Пик этой поэтической активности пришёлся на зиму 1966 года, и тогда же произошли два связанных с этим любопытных события. Первому предшествовало вывешивание в школе большой стенгазеты со стихами наших интернатских поэтов, второму — появление в школьном общежитии самодельных литературных журналов. Появился такой журнал и в нашей комнате, старостой которой был Витя Томс (поэтому комната наша носила название «Хижина дяди Томса»). Назывался этот журнал (редактором и единственным членом редколлегии которого был я сам) по-простому: «Тихий омут», и в первом его номере были помещены стихи почти всех без исключения моих товарищей по комнате. Надо сказать, что для многих из них этот литературный опыт был первым в их жизни, и может быть поэтому печальная, а временами и не очень нормативная лексика нашего журнала несколько контрастировала с оптимистическим вариантом, вывешенным в школе. В этом не было ничего странного или неискреннего, просто два этих издания описывали две разные стороны нашей интернатской жизни, в которой были как свои радостные, так и печальные моменты. Закончив оформление журнала, мы благоразумно прикрепили его кнопками к обратной стороне дверцы платяного шкафа, стоявшего в нашей комнате, и пошли на занятия.

Надо же было так случиться, что именно в этот день с инспекционной поездкой в наш интернат приехал министр просвещения РСФСР (в этом состояло первое из упомянутых выше событий). Министру показали школу, физическую лабораторию, сводили на урок в один из классов, показали нашу стенгазету со стихами, а затем повели в общежитие. До сих пор не знаю, как это могло произойти, но, войдя в общежитие, министр немедленно направился в нашу комнату, затем открыл дверцу шкафа, снял с кнопок наш журнал, бегло просмотрел его и, сказав что-то вроде: «Вот что у вас тут на самом деле делается», отбыл в Москву. Мы

в это время находились на уроке, но «хорошие новости распространяются быстро», и когда мы, понурив головы, вернулись к себе в общежитие, настроение у нас было хуже некуда.

Дело было даже не в том, что мы чувствовали себя виноватыми и боялись наказания. Мы понимали, как мы подвели своих учителей и интернат в целом, ведь было известно, что министр являлся одним из основных противников всякого рода специализированных математических школ и интернатов, поскольку, на его взгляд, само их существование нарушало принцип социальной справедливости. Так что одним из последствий произошедшего могло быть и прекращение приёма в интернат с последующим его закрытием. И вот тут произошло событие, которое я до сих пор не могу забыть.

К нам в комнату пришли наши учителя, которым, наверное, уже досталось от школьного и районного начальства за то, что произошло. Но они не стали нас ругать или наказывать и вообще не высказали ни одного слова упрека в наш адрес. Они сказали, что пришли извиниться за поведение некоторых взрослых, не понимающих современной поэзии, и попросили не держать на таких людей зла, добавив, что в будущем нам часто придётся встречаться с людьми, просто не способными понять какие-то вещи, и что это не должно быть основанием для обиды на них. И ещё они попросили нас не бросать писать стихи и пригласили на вечер-конкурс школьных поэтов, который должен был вскоре состояться в интернате. В этот день мы получили урок по предмету, которого нет в сетке школьного расписания, но который мы запомнили на всю жизнь.

Выпускные экзамены в школе — особая пора. Последним и самым трудным из них для нашего класса был экзамен по физике. Дело в том, что в нашем классе собрались очень сильные математики: несколько победителей Всероссийской олимпиады, победители Ленинградской городской олимпиады и один будущий победитель Международной математической олимпиады — Витя Турчанинов (в настоящее время блестящий программист). С физикой же дело обстояло хуже — только один победитель Всероссийской олимпиады по физике — Боря Ровнер. Почему-то наши учителя физики считали, что мы недостаточно хорошо относимся к их предмету, и решили проэкзаменовать нас с пристрастием. Перед началом экзамена они объявили, что будут спрашивать нас очень жёстко и поставят нам две оценки: официальную и неофициальную, но такую, какую мы получили бы при поступлении в ЛГУ при самом недоброжелательном пристрастном опросе. Мотивировалось всё это необходимостью потренироваться перед вступительными экзаменами в университет.

Подобная преамбула меня совершенно не испугала: я был тогда одним из главных претендентов на золотую медаль, всегда легко сдавал экзамены и не боялся их. Но я до сих пор с некоторым содроганием вспоминаю последовавший затем кошмар. Я очень хорошо начал отвечать, полностью рассказав вопрос билета и решив задачку. Но уже первая дополнительная задача испортила мне настроение. Меня спросили, по какой траектории полетит брошенный с поверхности Земли камень в случае отсутствия атмосферы, и я тут же ответил: «По параболе». На что мне вежливо объяснили, что мой ответ неверен и что камень полетит по дуге эллипса (поскольку в условии не было сказано, что Землю можно считать плоской). И так далее. Не помню всех заданных мне вопросов, на какие-то из них я отвечал правильно, на какие-то — с точки зрения экзаменатора — нет. Помню только последний из них, который добил меня (и экзаменатора). Меня спросили, что происходит с верёвочным контуром, в который периодически вставляют и вынимают магнит. Что-то забрезжило в моей уже ничего не соображающей голове (что-то вроде того, что по инструкции техники безопасности нельзя влажными руками касаться электрической проводки), и я сказал, что если влажность воздуха высока, то по верёвке может потечь слабый ток. «С каких это пор великие законы физики зависят от влажности воздуха!» — буквально взревел мой мучитель, и экзамен на этом закончился. Я получил 5/4—, и когда экзаменатор немного остыл, узнал, что, оказывается, в верёвке произойдёт поляризация. В общем, всё закончилось благополучно, но я с тех пор немного недолголюбиваю физику.

Сейчас интернат находится в другом месте, за городом, ближе к новому зданию университета. Но каждый раз, приезжая в Санкт-Петербург (что, к сожалению, бывает нечасто), я сажусь в 80-й автобус и еду за Чёрную речку, на улицу Савушкина, 61.